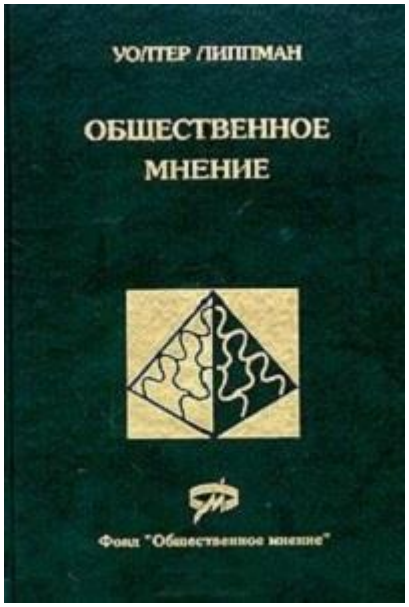
Уолтер Липпман. Общественное мнение

В монографии известного журналиста, политолога и социолога, одного из архитекторов американского неолиберализма, У. Липпмана (1889–1974) рассматриваются природа, формы существования, модели формирования и функционирования общественного мнения, механизмы воздействия на него средств массовой информации. Книга вышла на английском языке в 1922 г. Ссылки на эту работу я встретил в книгах Ноам Хомский. Как устроен мир и Фридрих Хайек. Дорога к рабству.

Уолтер Липпман. Общественное мнение. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2004. – 384 с.



Глава 1. Внешний мир и его картина в нашем сознании

Оглядываясь назад, можно увидеть, насколько опосредованно наше знание о мире, в котором мы живем. Мы утверждаем, что мир, который представал перед людьми, был зачастую абсолютно противоположен миру, который они себе представляли. Они отправились в Индию, а открыли Америку. Они считали, что изгоняют нечистую силу, а на самом деле вешали старух. Халиф, уверенный, что подчиняется воле Аллаха, сжег библиотеку в Александрии. Мы лучше поймем и жестокости войны (речь о Первой мировой), и политические баталии, если будем помнить, что почти любой участник этих сражений абсолютно уверен в истинности своих представлений о противнике, что он принимает как факт не то, что является фактом, а то, что он считает фактом.

Между человеком и его средой располагается некая псевдосреда. Поведение человека является реакцией именно на эту псевдосреду. Последствия этой реакции, собственно действия человека, происходят уже в реальной среде. Если поведение выражается не в практических действиях, а в том, что можно условно обозначить как мысли или эмоции, потребуется много времени, чтобы в структуре фиктивного мира образовалась серьезная брешь. Но если стимул, исходящий из псевдофактов, ведет к взаимодействию с объектами или другими людьми, то противоречие возникает достаточно быстро.

Окружающая среда — слишком сложное и изменяющееся образование, чтобы можно было познавать ее напрямую. Мы не готовы иметь дело со столь тонкими различиями, разнообразием, перемещениями и комбинациями. Но поскольку нам приходится действовать в этой среде, прежде чем начать с ней оперировать, необходимо воссоздать ее на более простой модели. Чтобы путешествовать, человек должен иметь географические карты.

Итак, аналитик общественного мнения должен начать с того, чтобы признать существование взаимосвязи между сценой действия, восприятием этой сцены в сознании людей и реакцией людей на восприятие происходящего на сцене действия. «Современное общество, — говорит

Честертон, — является по своей природе небезопасным, поскольку оно основывается на представлении о том, что все люди будут делать одно и то же, руководствуясь разными причинами...»

Когда речь идет о людях как о рациональных существах, невозможно обобщить данные об их поведении, прежде чем будет достигнуто примерное сходство между средами их обитания. Прагматическая ценность этой идеи состоит в том, что с ее помощью мы вносим уточнение в тянущуюся со времен античности дискуссию о природе и воспитании; врожденных качествах и окружении. Ведь псевдосреда — это гибрид, образованный путем сочетания «человеческой природы» и «условий».

То, как люди представляют себе мир, определяет в данный конкретный момент, что они будут делать. То есть определяет их усилия, их ощущения, надежды, но не определяет достижений и результатов. Общественное мнение имеет дело с косвенными, невидимыми и загадочными событиями, где ничто не является очевидным. Ситуации, к которым относится общественное мнение, выступают как мнения.

Глава 2. Цензура и секретность

В период ведения военных действий ставка главнокомандующего может полностью контролировать информацию, получаемую гражданским населением. Она следит за отбором фронтовых корреспондентов, за их передвижением на фронте, читает и подвергает цензуре их сообщения, а также отслеживает телеграммы. Без цензуры — в той или иной форме — пропаганда, в строгом смысле этого слова, невозможна. Для ведения пропаганды необходимо установить барьер между обществом и событием. Доступ к реальному событию должен быть ограничен до того, как обыватель начнет создавать разумную и комфортную, с его точки зрения, псевдообстановку.

Поэтому очень полезно задаться вопросом, из каких источников вы узнали о фактах, на которых основываете свое мнение. Кто на самом деле увидел, услышал, почувствовал, посчитал и назвал предмет, о котором у вас есть определенное мнение? Можете задаться этими вопросами, но вряд ли вы ответите на многие из них. Тем не менее они напомнят вам о расстоянии, обычно отделяющем общественное мнение о событии от самого этого события.

Глава 3. Контакты и получение информации

На доступ к миру, находящемуся за пределами микросреды человека, существенно влияет размер дохода. При наличии денег можно преодолеть все, что ощутимо препятствует коммуникации: можно путешествовать, покупать книги и периодику и следить за любыми известными миру событиями. Насколько велика роль социальных слоев в нашем духовном контакте с миром, как они стремятся зафиксировать то, что допустимо, и определить, как об этом следует судить. Время, которое мы можем ежедневно уделять прямому доступу к информации о невидимом нами мире, весьма незначительно.

Глава 5. Скорость, слова, ясность

Значение слов в языке постоянно меняется. Слова, как деньги, находятся в постоянном движении, порождая сегодня одну систему образов, а завтра — другую. Нет никакой уверенности в том, что одно и то же слово возбудит в сознании читателей ту самую идею, какую оно породило в сознании репортера. Умением не увлекаться поверхностными аналогиями, обращать внимание на различия и оценивать разнообразие мы обязаны способности, именуемой «ясность сознания». Ею обладают не все люди. Как показывают результаты опытов, скорость, точность и интеллектуальное качество ассоциаций снижаются из-за эмоциональных конфликтов.

Общественное мнение наталкивается на всякого рода сложности: непомерные амбиции и экономические интересы, личную вражду, расовые предрассудки, классовые чувства и т.д. Они разрушают понимание текста при чтении, искажают мышление, поведение. Итак, среда, с которой взаимодействует общественное мнение, преломляется через многочисленные факторы. Это — цензура и секретность, физические и социальные барьеры, деформация внимания, бедность

языка, отвлекающие моменты, бессознательные чувства, усталость, насилие, однообразие. Эти факторы, ограничивая доступ к среде, накладываются на непонятность происходящих в ней событий, ограничивая тем самым ясность и корректность восприятия. В результате этого наложения реальные представления подменяются вводящими в заблуждение фикциями, лишая нас возможности контролировать тех, кому наши заблуждения играют на руку.

Глава 6. Стереотипы

Каждый из нас живет и работает на небольшом участке нашей планеты, вращается в узком кругу знакомых и из этого узкого круга знакомых лишь немногих знает достаточно близко. Если происходит какое-то значимое событие, то мы, в лучшем случае, можем наблюдать определенную его фазу или аспект. То же самое можно сказать о важных участниках таких событий — людях, которые отдают приказы, составляют проекты законов и утверждают их, равно как и об адресатах этих событий, то есть тех, кому адресованы приказы, и кто заинтересован в заключаемых договорах и принимаемых законах. Поэтому наши мнения относятся к значительно большему пространству, более длительному времени и большему числу предметов, чем мы можем на самом деле наблюдать. Следовательно, мы должны реконструировать события на основании сообщений других людей и собственного воображения.

Необученный наблюдатель вычленяет из внешнего мира те знаки, которые он может распознать. Знаки являются символами идей, а идеи выполняют роль имеющейся у нас в запасе системы образов. Мы не столько видим данного человека и данный закат, сколько замечаем, что данный предмет — это человек, а данное явление — это закат, а затем переключаем внимание в основном на то, что ассоциируется в нашем сознании с этими предметами. Это связано с экономией усилий. Ведь попытка увидеть все вещи заново и в подробностях, а не как типы и способы обобщения, утомительна. Стереотипы маркируют объекты либо как знакомые, либо как странные и необычные, усугубляя различие по этому параметру: слегка знакомое подается как очень близкое, а чуть-чуть странное — как абсолютно чужое. Эти различия наводняют свежее восприятие старыми образами и проецируют на мир то, что было сокрыто в памяти. Если бы в окружающей человека среде не было никакого практически осмысленного единообразия, то привычка принимать сложившийся ранее образ за новое впечатление вела бы не к экономии усилий, а только к ошибкам. Но поскольку единообразие все-таки существует, то отказ от всех стереотипов в пользу абсолютно наивного подхода к опыту обеднил бы человеческую жизнь.

Большое значение имеют характер стереотипов и доверчивость, с которой мы их используем. А это, в конечном итоге, зависит от образцов (моделей), из которых складывается наша философия жизни. Если, согласно этой философии, мы допускаем, что мир закодирован с помощью кода, которым мы владеем, то мы, вероятно, будем описывать мир так, как будто он управляется нашим кодом. Но если, согласно нашей философии, каждый человек — это только незначительная часть мира, а человеческий разум с помощью очень грубой сети идей улавливает в лучшем случае только отдельные стадии и аспекты событий, то мы не станем строго придерживаться стереотипов и охотно их поменяем.

Поэтому, когда мы говорим о сознании группы людей, о сознании французов, милитаристском сознании или большевистском сознании, мы можем сильно запутаться, если не договоримся о том, что нужно отличать сугубо инстинктивное устройство сознания от стереотипов, моделей и формул. До тех пор, пока вы не подвергли глубокому анализу традицию, унаследованную от родителей, учителей, духовных лиц и ближайших родственников, грубейшей ошибкой будет приписать политические различия влиянию протоплазмы зародыша. Следовательно, до тех пор, пока мы не научимся принимать во внимание различия в воспитании двух людей, мы должны воздерживаться от суждений по поводу их природных различий.

Глава 7. Стереотипы как защита

Помимо экономии усилий системы стереотипов могут служить ядром нашей личной традиции, способом защиты нашего положения в обществе. Это картина возможного мира, к которому мы приспособились. В этом мире люди и предметы занимают предназначенные им места и действуют ожидаемым образом. Мы чувствуем себя в этом мире как дома. Мы вписаны в него.

Мы его составная часть. Нам известны все ходы и выходы. Здесь всё чарующе знакомо, нормально, надежно. Поэтому не удивительно, что любое изменение стереотипов воспринимается как атака на основы мирозданья.

Но допустим, опыт вступает в противоречие со стереотипом. Тогда возможен двоякий исход. Если индивид уже утратил определенную гибкость или ему в силу какой-то сильной заинтересованности крайне неудобно менять свои стереотипы, он может проигнорировать это противоречие и посчитать его исключением, подтверждающим правило, или подвергнуть сомнению свидетельские показания, или найти какую-то ошибку, а затем забыть об этом событии. Но если он не утратил любопытства или способности думать, то новшество интегрируется в уже существующую картину мира и изменяет ее.

Глава 8. Слепые зоны и их значение

Наши представления о внешнем мире гораздо проще и статичнее, чем реальный поток событий. Поэтому приходит время, когда нам становятся видны слепые зоны, которые с периферии нашего поля зрения перемещаются в центр. Стереотип не только экономит время и служит защитой нашего положения в обществе, но и может защищать нас от всей той путаницы, которая возникает при попытке посмотреть на мир как на нечто устойчивое и целостное.

Глава 9. Кодексы и их противники

Компетентность в любой области означает, на самом деле, увеличение числа аспектов, которые человек способен увидеть, а также привычку не принимать желаемое за действительное. Иногда случается, что ограниченная компетентность в некоей ограниченной области приводит к гипертрофии привычки втискивать в узкие рамки стереотипа то, что в него может быть втиснуто, и отбрасывать то, что в него не помещается. Когда система стереотипов является жесткой, мы обращаем внимание на те факты, которые поддерживают ее, и не замечаем факты, которые ей противоречат.

В повседневном мире именно предшествующее получению соответствующих данных суждение содержит в себе вывод, который должен подтверждаться этими данными. В современном мире гораздо более серьезным, чем моральные различия в кодексах, является различие в понимании фактов, к которым данный кодекс приложим. Вместо того чтобы сравнивать идеалы, полезно пересмотреть интерпретацию фактов.

Согласно традиционным теориям, общественное мнение — это моральное суждение по поводу группы фактов. Развиваемая мною теория состоит в том, что при современном состоянии образования общественное мнение является, прежде всего, морализированной и кодифицированной версией фактов. Я утверждаю, что система (паттерн) стереотипов, находящаяся в центре наших кодексов, определяет, какую именно группу фактов и в каком ракурсе мы увидим. Поэтому, несмотря на наилучшие намерения, политика газеты в отражении новостей попадает под влияние политики редакции.

Только если мы привыкли признавать, что наше мнение является частичным опытом, который мы рассматриваем сквозь свои же стереотипы, — только тогда мы можем быть толерантными по отношению к нашему оппоненту. Если у нас нет такой привычки, то мы верим в абсолютность нашего восприятия и потому — в ненадежность и предательство любого, кто думает иначе. Хотя люди готовы допустить, что существует две стороны «вопроса», они не верят, что существует две стороны того, что они считают «событием». И они до тех пор в это не верят, пока в результате длительного обучения критическому подходу не придут к полному осознанию того, насколько вторичным и субъективным является их понимание.

Там, где каждая из двух групп видит свой аспект события и стремится к собственным объяснениям увиденного, они практически не могут доверять друг другу. Если система стереотипов соответствует их опыту в ключевых моментах, они уже не смотрят на нее как на интерпретацию. Они смотрят на нее как на «реальность». Своих оппонентов мы превращаем в негодяев и заговорщиков. Например, если происходит резкий скачок цен, мы приписываем его заговору тех, кто на нем наживается.

Глава 10. Выявление стереотипов

Понимание текучести времени широко проникает в наши представления. Для одного человека институт, который существовал в течение всей его сознательной жизни, является частью вечного порядка Вселенной, тогда как для другого тот же самый институт кажется эфемерным. Важная составляющая мудрости — способность определять время верно. Человек, опирающийся на неверное представление о времени, может принадлежать либо к категории мечтателей, игнорирующих настоящее, либо к категории мещан, которые не видят дальше собственного носа.

Выбрать хороший пример, демонстрирующий особенности целого класса явлений или предметов, непросто. Эта проблема относится к области статистики. Человек, мыслящий на основе случайных событий и фактов, склонен выдергивать из массы явлений и событий какой-то пример, который служит подтверждением или, наоборот, опровержением его предрассудков, и распространяет его на целый класс.

Стереотип Рабочего Класса как Освободителя служит инструментом отбора одних данных и игнорирования других. Таким образом, параллельно реальному движению трудящихся существует фиктивное Движение Рабочего Класса, в котором идеализированная масса движется к идеальной цели. Эта фикция связана с будущим. А в будущем возможное практически неотличимо от вероятного, а вероятное — от неизбежного.

Тем не менее никто так выразительно не говорил о том, что, если мы знаем *как*, не надо вместо исходного пункта движения подставлять цель, не надо приписывать настоящему то, что в результате наших усилий и умения будет создано в будущем.

А когда мы пытаемся сделать следующий шаг, чтобы найти причины и следствия невидимых и сложных ситуаций, то случайное мнение оказывается очень коварным. Существует не так много серьезных сфер общественной жизни, где причина и следствие сразу же становятся очевидными. Предполагается, однако, что у каждого из нас есть свое мнение по этим вопросам, и не удивительно, что самой обычной формой является суждение, основанное на интуитивном представлении post hoc, ergo propter hock.[1] Чем менее подготовленным и образованным является человек, тем легче он приходит к предположению, что существует взаимосвязь между двумя вещами, если те привлекли его внимание одновременно.

Так проявляется наша любовь к абсолютному. Ведь мы не любим уточняющих наречий. Они загромождают предложения и мешают предаваться чувствам, которым так трудно сопротивляться. Мы предпочитаем превосходную степень сравнительной; мы не любим такие словечки, как «скорее всего», «вероятно», «если», «или», «но», «существует тенденция к», «не совсем», «почти», «временно», «частично». Однако почти каждое мнение об общественных делах должно сопровождаться каким-то словом подобного рода. Зато, когда мы свободны в своих реакциях, мы раздаем характеристики в абсолютных терминах: «всегда», «везде», «в ста процентах случаев».

Глава 11. Привлечение интереса

Сознание — это не фотопленка, которая раз и навсегда сохраняет каждое впечатление, полученное человеком, смотрящим на мир через объектив. Человек наделен способностью к бесконечному творчеству. Картины мира в нашем сознании блекнут и наслаиваются друг на друга. Для этого мы персонифицируем количественные величины и драматизируем отношения. Наиболее глубоко укорененным из всех является стереотип, построенный на антропоморфизации неодушевленных вещей или целого собрания предметов.

Изображение всегда было одним из средств передачи идей. Следующими по своей способности возбуждать в нашей памяти определенные картины и образы всегда были слова. Однако передаваемая идея не осознается нами как вполне наша до тех пор, пока мы не можем

---

[1] Лат. post hoc ergo propter hoc означает «После этого — значит по причине этого» — логическая уловка, при которой причинно-следственная связь отождествляется с хронологической, временной. Например, серийный убийца с детства увлекался почтовыми марками, следовательно, филателия превращает людей в безжалостных убийц.

идентифицировать себя с одним из аспектов этой картины. Идентификация, или эмпатия, может быть исключительно тонкой и символичной, даже неосознанной.

Глава 12. Новый взгляд на индивидуальные интересы

Людям свойственна жажда иметь свое особое мнение относительно религии, управления и многих других вопросов, касающихся как теории, так и практики. Им также свойственна приверженность различным лидерам, амбициозно претендующим на власть и превосходство, или людям, судьба которых по той или иной причине влекла к ним сторонников. Все это, в свою очередь, разделило человечество на партии, возбудило в них взаимную вражду и создало гораздо большую склонность к ненависти и стремлению угнетать друг друга, чем к кооперации во имя общего блага. Эта предрасположенность человечества ко взаимной вражде столь велика, что, даже когда никаких предпосылок к столкновениям не было, оказывалось достаточно самых ничтожных и причудливых различий, чтобы возбудить неприязнь людей друг к другу и спровоцировать жесточайшие конфликты между ними. Но самым распространенным и постоянным источником возникновения узких группировок стало разнообразное и неравное распределение собственности».

Социалисты утверждают, что следующий этап социальной эволюции является неизбежным результатом текущего этапа. Но для того чтобы перейти к следующему этапу, они занимаются пропагандой, направленной на формирование «классового сознания». Встает вопрос: почему экономическое положение не порождает в каждом человеке сознание класса? Не порождает, и все. Следовательно, социалисты зря утверждают с гордостью, будто их философия основана на пророческой разгадке судьбы. Она основана на гипотезе о характере человеческой природы.

Было бы трудно объяснить разнообразие человеческой природы иными факторами, чем разнообразие опыта.

Глава 14. Да или нет

Единственным источником силы символа является ассоциация в сознании человека. Практически во всех областях нашей жизни наибольшая независимость, которой мы можем достигнуть, обеспечивается за счет увеличения круга авторитетов, к которым мы готовы прислушиваться. Общая идея не может возникнуть сама по себе, из личных представлений группы. Например, нация может выступить с шумной кампанией в поддержку войны, но, если она вступает в войну, она должна подчиняться приказам генерального штаба. Границами непосредственного действия, направленного на любую практическую цель, является способность ответить «ДА» или «НЕТ» на вопрос, интересующий массы

Итак, должен был быть предоставлен конкретный выбор. Этот выбор должен был быть связан с индивидуальным мнением путем переноса интересов с помощью символов. Профессиональные политики усвоили это задолго до философов демократии. Гражданин идет на выборы, получает бюллетень, в котором перечислено несколько мер (почти всегда в сокращенной форме). И если он вообще как-то высказывается, то говорит «ДА» или «НЕТ». Ему может прийти в голову самая лучшая в мире поправка. Но своим бюллетенем он говорит либо «ДА», либо «НЕТ». Называя это законодательной деятельностью, вы совершаете насилие над языком. Я, конечно, не согласен, что у этого процесса, как бы вы его ни называли, не существует преимуществ. Но неизбежная простота любого массового решения — очень важное обстоятельство из-за неизбежной сложности мира, в котором эти решения действуют.

Глава 15. Лидеры и рядовые члены общества

Поскольку символы имеют важное практическое значение, политическим лидерам, чтобы добиться успеха, необходимо культивировать символы, способствующие сплачиванию их последователей. Разрушение великих символов, наподобие Святой Руси или Железного Диаса, всегда ведет к длительному бунту. Ядро образов и символов преданности данному обществу, без которых человек сам себя не мыслит, — это национальность. В силу способности перекачивать эмоции из разрозненных идей символ является как механизмом солидарности, так и механизмом

эксплуатации. Он воодушевляет людей на труд во имя общей цели. Но так как узкая группа людей занимает стратегическое положение, позволяющее ей определять конкретные задачи, символ становится инструментом, благодаря которому эта группа жирует за счет многих, приобретает неуязвимость перед критикой и соблазняет людей идти на смерть во имя целей, им не понятных.

Там, где массы людей должны взаимодействовать в условиях непредсказуемой и взрывоопасной среды, необходимо обеспечить единство и гибкость на фоне отсутствия реального согласия. Это и делает символ. Он затемняет личные намерения, нейтрализует дискриминацию и экранирует личные цели. Он сковывает личность и в то же время чрезвычайно обостряет намерения группы и сплачивает ее. В состоянии кризиса ничто другое не может так сплотить группу для достижения определенной цели. Символ мобилизует массу и демобилизует личность.

Лидеры обычно претендуют на то, что создали программу, родившуюся из недр сознания общественности. Если он и сам в это верит, то обычно заблуждается. Программы не самозарождаются одновременно в головах множества людей. Регулярно переизбираемые конгрессмены обычно не склонны тратить энергию на общественные дела. Они предпочитают оказывать мелкие услуги большому числу людей по незначительным поводам, а не ввязываться в осуществление грандиозных проектов, никому конкретно не адресованных.

Глава 16. Эгоцентричный человек

Демократические системы, если судить по старейшим и мощнейшим из них, сделали из общественного мнения тайну. Они превратились в опытнейших организаторов мнения, которые достаточно глубоко проникли в эту тайну, чтобы добиться в день выборов необходимого большинства голосов.

Ранее объем фактов, которые люди могли воспринимать легко и естественно, был ограничен. Они могли знать обычаи и характерные особенности места, где жили и работали. Но когда речь шла о внешнем мире, то они должны были затрачивать усилия на его постижение, и в процессе этого они не могли основываться на инстинктивных реакциях или поглощать достоверные сведения. Таким образом, единственной средой, в рамках которой возможна стихийная политика, является та, которая очерчивается границами прямого и определенного знания. Нет возможности избежать этого вывода там, где обнаруживается управление, основанное на естественных границах человеческих способностей. Аристотель писал: «Для того чтобы на основе справедливости выносить справедливые решения, чтобы распределять должности по достоинству, граждане непременно должны знать друг друга — какими качествами они обладают; где этого не бывает, там и с замещением должностей, и с судебными разбирательствами дело неизбежно обстоит плохо».

Со времен Аристотеля был достигнут некоторый прогресс. Издавались газеты, книги, улучшились дороги и возросла надежность морских судов. Но существенных достижений в XVIII веке не было, и политические представления оставались, в сущности, такими же, как и на протяжении двух тысячелетий. Первые демократы не располагали материалом, необходимым для разрешения противоречия между размером кругозора среднего представителя той эпохи (речь о зарождении США в XVIII веке) и их неограниченной верой в человеческое достоинство.

Глава 17. Самодостаточное сообщество

Во все времена существовали философы, которые полагали, что конфликт — это нечто само собой разумеющееся, и стремились увидеть, как именно их сторона может выйти из этого конфликта победителем. Они сохраняли трезвость мыслей, даже будучи озабоченными ситуацией, поскольку занимались только обобщением непосредственного опыта. Классическим представителем этой школы является Макиавелли — человек, которого беспощадно поносили, потому что он стал первым, кто прибегнул к ясному языку в области, ранее считавшейся вотчиной ученых, занимавшихся сверхъестественным. Он обладает наихудшей репутацией, зато имеет наибольшее число последователей по сравнению с остальными политическими мыслителями, когда-либо жившими на Земле. Макиавелли честно описал технику существования самодостаточного государства (подробнее см. Никколо Макиавелли. Государь).

Демократическая традиция всегда стремится видеть такой мир, где люди интересуются исключительно теми делами, причинно-следственный механизм которых действует внутри региона их проживания. Никогда демократическая теория не возникала в контексте широкой и непредсказуемой среды. Интересы демократии должны оставаться простыми, понятными и легко управляемыми. Условия должны приближаться к условиям изолированной сельской общины, где поступление информации обусловлено случайным опытом. Социальная среда должна ограничиваться рамками прямых и очевидных знаний каждого человека.

Демократ выступает за Самоуправление, Самоопределение, Независимость. Ни в одной из этих идей нет допущения о согласии или сообществе, выходящих за пределы самоуправляющихся групп. Область демократического действия ограничена. Внутри укрепленных границ необходимо было обрести самодостаточность и при этом избежать затруднений. Подобное правило едва ли применимо к внешней политике, так как жизнь за пределами государственных границ является более чуждой, чем жизнь, протекающая в их пределах. И, как показывает история, демократические правительства во внешней политике обычно должны были выбирать между величественной изоляцией и дипломатией, противоречащей их идеалам. В действительности, наиболее успешные демократии — Швейцария, Дания, Австралия, Новая Зеландия и Америка — вплоть до недавнего времени не вели внешней политики в европейском смысле этого понятия.

Если опасность является серьезным, возможно, абсолютно необходимым условием автократии, то безопасность рассматривается как необходимое условие функционирования демократии. Это не превратило демократов в непротивленцев, но при этом все войны, в которых участвовали демократические государства, велись ими во имя мира. Даже когда войны, по сути своей, были захватническими, то их искренне считали войнами в защиту цивилизации.

Поскольку для стихийного самоуправления необходимо иметь простое, замкнутое на самом себе сообщество, демократы приняли как само собой разумеющееся, что при управлении этим простым и ограниченным кругом дел один человек может быть столь же компетентным, сколь и его последователь. Представление о том, что квалификации обычного человека достаточно для управления общиной, легко превращалось в идею, что ее достаточно для любой цели. По многим причинам самодостаточность была духовным идеалом эпохи становления. Физическая изоляция маленьких поселений, одиночество пионеров, теория демократии, протестантская традиция, ограниченность политической науки — все это заставило людей поверить, что они могут извлечь политическую мудрость из собственного сознания.

Но это означало, что общественные мнения о внешнем мире любого сообщества состояли, в основном, из нескольких стереотипных образов, организованных в систему (паттерн), выведенную из их правовых и моральных кодексов и оживленную чувствами, пробужденными местным опытом. Так демократическая теория, начав с прекрасного, по своей сущности, восприятия человеческого достоинства, в силу отсутствия инструментов познания окружающей реальности была вынуждена откатиться назад, к мудрости и опыту, который смог накопить в течение своей жизни избиратель. Господь Бог, согласно Томасу Джефферсону, сделал души людей «своим особым хранилищем подлинной и крепкой добродетели». У этих избранных людей, живших в самодостаточном окружении, все события разворачивались непосредственно перед глазами. Им не были нужны гарантии надежности источников информации, поскольку те являлись очевидными и равно доступными для всех. Не было также необходимости беспокоиться о конечных критериях правдивости информации. В самодостаточном сообществе человек допускал или, по крайней мере, мог допустить единообразный моральный кодекс.

Глава 18. Роль силы, патроната и привилегии

Для создания общегосударственного управления Александр Гамильтон и его единомышленники должны были основывать свои планы не на концепции, что люди будут сотрудничать потому, что у них есть понимание общего интереса, а на концепции, что людьми можно управлять, если власть служит противовесом их особым интересам. Принцип взаимозависимости и взаимоограничения законодательной, исполнительной и судебной власти позволил лидерам-федералистам решить проблему общественного мнения. Конституция была искренней попыткой ограничить область народного правления. Единственный демократический орган, на который,

согласно конституции, должно опираться правительство, — это палата представителей, основывавшаяся на избирательном праве, существенно ограниченном имущественным цензом. При этом палата представителей считалась столь своевольной частью правительства, что ее деятельность ограничивалась сенатом, коллегией выборщиков, президентским вето и правом судебной власти на толкование законов. Таким образом, в то время, когда Французская революция разжигала во всем мире народную идею, американские борцы за независимость приняли конституцию, которая, насколько это было возможно, подражала консервативной модели Британской монархии.

Джефферсон, в конце концов, решил, что федералисты извратили конституцию, а потому они больше не являются ее авторами. Поэтому конституция была «мысленно» переписана. Отчасти благодаря реальным поправкам, как, например, в пункте о коллегии выборщиков, а главным образом, благодаря использованию другой системы стереотипов ее фасад больше не выглядел олигархическим. Можно предположить, что если бы конституцию трактовали так, как трактовали ее авторы, то она была бы категорически отвергнута, потому что ее дух не совместим с идеалами демократии. Джефферсон разрешил этот парадокс, научив американский народ читать конституцию как выражение демократии.

Джэксон ввел практику раздачи государственных должностей сторонникам победившей партии. Каким бы странным нам это сегодня ни казалось, но принцип ротации лиц, занимающих определенную должность, с короткими сроками полномочий рассматривался в то время как великая реформа. Он не только подтверждал достоинство рядового гражданина, рассматривая его как годного для любой государственной службы, он не только уничтожал монополию небольшого социального класса и открывал карьерные возможности для талантливых людей, но еще и «считался в течение многих веков превосходным средством против коррупции» и единственным способом предупреждения бюрократизации.

Если спросить демократа-философа, как замкнутые сообщества должны сотрудничать между собой, при том, что их общественные мнения столь сосредоточены на самих себе, то он указал бы на представительное правительство, воплощенное в конгрессе. И ничто не удивило бы его больше, чем открытие, насколько устойчивым является падение престижа представительного правительства на фоне роста власти президента.

Народ почему-то решил, что если конгресс будет состоять из широко известных людей, то жизнь столицы будет более блестящей. Но отсутствие знаменитостей не объясняет ситуацию в конгрессе, ведь его упадок начался тогда, когда он был самой важной ветвью власти. На самом деле, скорее всего, верно обратное — конгресс перестал привлекать выдающихся людей, поскольку больше не влиял на формирование национальной политики. Основная причина недоверия, которая, на мой взгляд, является одинаковой для всего мира, заключена в том факте, что собрание представителей — это, в сущности, группа слепцов, затерянная в огромном незнакомом мире.

Даже если бы теоретические положения всегда применялись на практике и округа всегда посылали бы в столицу наимудрейших представителей, то сумма или механическое сочетание местных впечатлений не является достаточно широкой базой для внутренней политики и тем более не является базой для контроля за внешней политикой. Поскольку реальные следствия большинства законов являются весьма тонкими и скрытыми, то их нельзя понять путем фильтрации местного опыта через умы местных представителей. О них можно узнать только с помощью объективного анализа и подлежащего контролю информирования. И точно так же, как руководитель большой фабрики не может узнать об ее эффективности из разговоров с мастером, а должен изучить сведения о затратах и данные, которые он может получить только у бухгалтера, законодатель не может представить себе подлинную картину состояния дел в федеральном государстве просто путем складывания мозаики из картин местной жизни.

Глава 21. Покупающая публика

Социалисты-гильдейцы зациклены на представлении о том, что если будет найдена правильная единица голосования и представительства, то возможно достижение всеобщего благосостояния. Убежденные в том, что мудрость уже дана, надо только найти ее, демократы относились к проблеме создания общественных мнений как к проблеме гражданских свобод.

Глава 24. Новости, истина и вывод

Гипотеза, кажущаяся мне наиболее плодотворной, состоит в том, что новости и истина — не одно и то же и что они должны четко различаться. Функция новостей в том, чтобы сигнализировать о событии, функция истины — освещать скрытые факты, устанавливать между ними связь и создавать такую картину мира, которая позволяла бы человеку действовать. Пресса слишком хрупка, чтобы нести на себе всю тяжесть народного суверенитета и стихийно являть нам истину, которая, по мнению демократов, является врожденной. И когда мы ждем, что пресса явит нам такой корпус истинных фактов, то используем вводящий в заблуждение способ оценки. Мы неправильно понимаем ограниченную природу новостей и безграничную сложность общества; переоцениваем свое терпение, дух общества и всеобщую компетентность. Мы исходим из предположения о потребности общества в неинтересных истинах, которая не подтверждается беспристрастным анализом наших собственных вкусов.

Невозможно предположить, что миром, основанным на разделении труда и распределении власти, может управлять универсальное мнение всего народа. Теория невольно постулирует одного всезнающего читателя и возлагает на прессу бремя выполнения того, чего не смогли выполнить представительная власть, промышленное предприятие и дипломатический корпус. Воздействующую на каждого человека в течение тридцати минут в сутки прессу просят создать мистическую силу, называемую Общественным Мнением, которая возместит бездействие общественных институтов. Пресса часто ошибочно воображала, что она на это способна.

Глава 25. Первый шаг

Наша собственная демократия, хоть и была основана на теории всеведущего правителя из народа, в управлении государством и промышленностью прибегает к помощи юристов. Она признала, что человек, получивший специальную подготовку, каким-то неясным образом ориентирован на более широкую систему истин, чем та, которая стихийно возникает в сознании любителя. Но опыт показал, что знаний обычного юриста недостаточно. Великое Общество поднялось и выросло до колоссальных размеров путем применения технического знания. Оно было построено инженерами, которые научились использовать точные измерения и количественный анализ. Как выяснилось, обществом не могут управлять люди, рассуждающие о том, что правильно, а что неправильно, на основе дедукции. Им можно управлять только на основе создавшей его техники.

Таким образом, постепенно наиболее просвещенные руководители призвали на службу государству обученных специалистов или сами прошли соответствующую подготовку, для того чтобы сделать части этого Великого Общества понятными для тех, кто им управляет. Эти люди известны под разными именами: статистиков, бухгалтеров, аудиторов, советников промышленных предприятий, различного рода инженеров, специалистов по научным методам управления, специалистов по подбору персонала, исследователей, «ученых», а иногда даже личных секретарей. Они принесли с собой профессиональный жаргон, картотеки, графики, настольные перекидные календари.

Любопытно, что, несмотря на потребность в помощи социолога, руководитель довольно долго к нему не обращался. Химик, физик и геолог встретили гораздо более ранний и гораздо более теплый прием. Для них создавались лаборатории, их труд поощрялся, поскольку весьма ценились победы над природой. Но ученый, исследующий человеческую природу, находится в другом положении. Тому существует множество причин, главная из них — у него слишком мало побед. Небольшое число побед связано с тем, что если он не имеет дело с историческим прошлым, то не может доказать свои теории, до того, как выносит их на суд общественности. Ученый-физик может высказать гипотезу, проверить ее, изменить гипотезу несколько сотен раз, и если, в конце концов, он окажется не прав, то никому не придется за это расплачиваться. Тогда как социолог не может подстраховаться, проводя эксперименты, и если его рекомендации оказываются неправильными, то последствия могут оказаться неисчислимыми. Он несет гораздо большую ответственность, но при этом не уверен в результате.

Глава 26. Информационное обеспечение

Практика демократии опередила теорию. Ведь теория гласит: взрослые избиратели, в целом, принимают решение, опираясь на свою волю. Но поскольку в реальном обществе выросли правящие иерархии, которые оказались невидимыми в теории, в избирательном процессе отразилась конструктивная адаптация к этим иерархиям, также не учтенная в представлении о демократии. На практике были найдены способы представления многих интересов и функций, которые обычно остаются невидимыми.

Так, публикация сравнительных статистических данных детской смертности обычно приводит к снижению уровня смертности среди младенцев. До публикации этих сведений в картине мира муниципальных чиновников и избирателей нет места этим младенцам. Статистика делает их видимыми, как будто сами младенцы принимают участие в выборах членов городского управления, чтобы те реагировали на их жалобы. Не случайно лучшая дипломатическая служба в мире основана на четком разведении двух типов деятельности: сбора информации и контроля над политикой.

Люди не могут в течение долгого времени действовать, противореча своему восприятию среды. Если они склонны придерживаться определенного способа действий, то должны изменить восприятие среды, подвергнуть ее цензуре и рационализировать. Но если они сталкиваются с каким-то фактом, упрямым настолько, что от него нельзя отмахнуться, то могут выбрать один из трех путей. Люди могут упорно его игнорировать, хотя им придется принуждать себя, утрировать свою роль и, в конце концов, впасть в отчаяние. Они могут принять этот факт во внимание и отказаться от каких-либо действий, заплатив за отказ внутренним дискомфортом и разочарованием. Или, как это обычно бывает, они могут адаптировать свое поведение к расширенной среде.

Эксперты сохранят человеческую сущность. Они будут получать удовольствие от обладания властью, испытывать искушение взять на себя роль цензора и тем самым — функцию принятия решения. Если их функция определена нечетко, то они будут испытывать желание передавать только те факты, которые считают относящимися к делу, и соглашаться только с теми решениями, которые одобряют. Короче, они могут превратиться в бюрократию. Единственным институциональным способом предотвратить подобное развитие событий является абсолютное разведение исполнителей и тех, кто собирает информацию. Это должны быть параллельные, но совершенно разные группы людей, которые нанимаются отдельно, получают зарплату из разных фондов, подчиняются разным лицам и в принципе не интересуются успехами друг друга. В промышленности аудиторы, бухгалтеры и инспекторы должны быть независимы от управляющего, от руководителей высшего звена, бригадиров. Со временем, я думаю, мы убедимся в том, что для осуществления общественного контроля над промышленностью механизм регистрации данных не должен зависеть от совета директоров и акционеров предприятий.

Существуют системы управления, голосования и представительства, которые достигают своих целей лучше, чем другие. Но, в конце концов, знание должно исходить не от сознания, а от среды, с которой имеет дело это сознание. Когда люди действуют исходя из принципа обеспечения информацией, они занимаются поиском фактов, на которых можно основывать решения. Когда они игнорируют этот принцип, то погружаются в самих себя и обнаруживают только то, что содержится в них самих. Они развивают собственные предрассудки, вместо того чтобы увеличивать свои знания.

Глава 27. Обращение к общественности

По мере того как наше сознание все лучше понимает свою собственную субъективность, мы приобретаем вкус к объективному методу, к которому в противном случае не прибегаем. Мы отчетливо понимаем то, что невозможно понять без соответствующей подготовки, а именно: колоссальный вред и непреднамеренную жестокость наших предрассудков. А успешное избавление от предрассудков, хоть поначалу это весьма болезненно в силу их связи с самоуважением, приносит бесконечное облегчение и гордость.